

Эдвард Радзинский

Она в отсутствии любви и смерти

*Часть сборника
Пьесы*

Эдвард Станиславович Радзинский

Она в отсутствии любви и смерти

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4436220

О себе / Эдвард Радзинский: АСТ: АСТ МОСКВА; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-055247-4, 978-5-9713-9168-5

Аннотация

«Она в отсутствии любви и смерти» — это одно из главных драматических произведений Эдварда Радзинского. Оно представляет собой важный ключ для понимания поэтики драматурга, который давно известен как мастер мелодрам и автор историй любви. В этой пьесе Радзинский описывает современную ему жизнь, где уже невозможны ни любовь ни смерть в том виде, как представляла классическая литература.

Содержание

Часть первая	4
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Эдвард Станиславович Радзинский Она в отсутствии любви и смерти

Часть первая

На сцене: четыре комнаты, кухня и ванная – это как бы одна огромная малогабаритная квартира. Но это только «как бы», ибо на самом деле все эти помещения принадлежат разным владельцам, все они взяты из разных квартир, в самых разных концах огромного города.

И только первая и вторая комнаты находятся в одной квартире.

Первой комнатой владеет Она: 18 лет, миловидна, не более, одета в серенькие польские джинсы и в голубую байковую кофточку (уличный вариант) или в коротенький серенький балахончик (так она ходит дома). На стене висит еще одна ее любимая вещь – красная поролоновая куртка, оставшаяся со времени ее 14-летия. (Вещи свои она любит, хранит подолгу им верность, высокомерно не замечая, что они старенькие и немодные, ибо с ними у нее всегда что-то связано.)

Ее комната – узкий пенал, где помещаются всего три предмета: письменный стол, вечно раскрытая кресло-кровать и магнитофон. Это удобно, потому что можно лежать на кресло-кровати (любимая поза) и доставать до стола, а главное – до магнитофона. Но это и не очень удобно, потому что, задумавшись, она начинает разгуливать по комнате, как по улице: откинута голова (гордость) и устремленные в небо глаза (сомнамбула), – и оттого она бьется, по очереди, сначала об угол стола (вскрик), потом о кресло-кровать (проклятия!). Это повторяется изо дня в день, но откинута голова и устремленные в небо глаза остаются.

Окна в ее комнате всегда раскрыты, и комната наполнена немыслимым солнцем (южная сторона) и невообразимым грохотом трассы (дом стоит на шоссе). Она выросла в этом грохоте и совершенно к нему привыкла. Для нее в этом только большое преимущество: она может свободно разговаривать в своей комнате вслух – сама с собой, как с подругой, ибо из-за шума ничего не слышно в той, во второй комнате, которую занимает Ее мать.

Вторая комната – комната ее матери. Проходная, большая и тихая (окна во двор). Здесь все как у всех: трельяж, телефон на полу на длинном шнуре (о который Мать периодически спотыкается), большая тахта (можно залезать с ногами) и зеленое кресло из югославского гарнитура. Ее матери «за тридцать», но Мать – прелестна: она кажется совсем юной в голубеньком несминаемом джинсовом костюмчике.

Третья комната находится на другом конце города и принадлежит Подруге ее матери. Это точно такая же комната, с точно таким же югославским креслом (только желтым). Подруга – сверстница ее матери и одета в точно такой же джинсовый костюм, только Подруге он не идет, потому что подруга маленькая, толстенькая и некрасивая. Естественно, зато подруга очень энергичная и просто ни секунды не может усидеть на месте, все время носится по комнате или убегает в невидимую нам кухню (точно так же спотыкаясь о шнур телефона на полу).

Далее идет кухня совсем в другой квартире. В этой кухне, загроможденной джазовыми инструментами, три юнца, тихонечко импровизируют некую мелодию. Двое – очень высокие, гнутые, с прекрасными длинными волосами. Третий – тоже длинноволос, но маленький – Маленький джазист с подпрыгивающей походкой, нервно сгрызающий свои ногти. Маленький джазист – хозяин на кухне, он руководит двумя высокими.

Рядом с кухней – ванная в Его квартире (а точнее, как положено в малогабаритных квартирах, – совмещенный санузел). Перед зеркалом с электробритвой стоит Он. Ему тоже «за тридцать». Он молча стоит с жужжащей электробритвой, разглядывая свое отражение в зеркале.

И наконец, последняя пустая комната, погруженная в темноту. Вся ее мебель – стол и два стула – почему-то сдвинута в угол и уложена на кровать. Это нагромождение покры-

то автомобильным брезентом – и есть что-то ужасное в этой бесформенной куче.

Такова эта странная малогабаритная «квартира», составленная из разных помещений, соединенных на одной сцене.

Рядом с этой «квартирой» угол лестничной клетки и телефон-автомат на стене.

Когда начинается действие:

Он в ванной стоит перед зеркалом с электробритвой, а джазисты в кухне тихонечко играют.

Ее мать в своей комнате сняла телефонную трубку. Не стала набирать номер, а расхаживает, в задумчивости, с телефонной трубкой в руках (*споткнулась о шнур: «Ах черт!»*), а ее Подруга в своей комнате пытается дозвониться Ее матери, в нетерпении вскочила и тоже споткнулась о шнур телефона (*«Ах черт!»*).

Она в своей комнате, по очереди ударившись о стол (*«Ах черт!»*) и об угол кровати (*«Черт!»*), улеглась наконец животом на тахту и успокоилась. Потом как-то сладко долго потянулась и, изгибаясь всем телом, жмурясь в потоке солнца, медленно стаскивает с себя балахончик, будто сдирает кожу, и стоит полуголая в бешеном потоке солнца. Потом плюхнулась на кресло-кровать, включила магнитофон (*щелчок*).

В это время ее **мать** – все так же с телефонной трубкой в руках – подошла к ее двери, толкнула – но дверь заперта. Мать стучит. Она не двигается.

Мать. Оглохла?! (*Стучит.*)

Она (*не обращая ни малейшего внимания, шепчет в микрофон*). Каждое утро, проснувшись, я ощущаю ваши губы с такой физической реальностью, что становлюсь безумной. И со всей силой этого безумия говорю вам: я вас люблю.

Мать колотит в дверь. Одновременно, будто по сигналу, начинается стук во все двери. В ванной, где **Он** по-прежнему стоит у зеркала, стук в дверь и голос его жены.

Голос его жены. В доме – ничего! Ты не СХОДИЛ даже за нарзаном... А люди придут в гости! Что ты молчишь?

Он. Я думаю.

Голос его жены. О Боже! О чем?! О чем?!

Он молча укладывает электробритву в футляр и выходит из ванной. Одновременно стучат в дверь кухни, где играют джазисты, и старческий голос кричит из-за двери: «Котик! Семь часов! Ты просил сказать, когда будет семь!» И тогда Маленький джазист складывает инструменты и уходит, а двое других, будто не замечая его ухода, будто в наркотическом опьянении – продолжают мелодию. В это же время Подруга, в очередной раз тщетно набрав номер матери, в бесильной ярости колотит в собственную дверь. Наконец общий стук внезапно прекращается, и только Ее мать продол-

жает тщетно барабанить в ее дверь. Она спокойно взглянула на часы, надела байковую кофточку, джинсы, поролоновую куртку и как-то сонно открывает дверь и глядит на Мать с телефонной трубкой в руках. Усмехнулась. Мать поняла ее взгляд и торопливо, неловко положила телефонную трубку на ковер.

Мать. В куртке будет холодно. Поддень кофту.

Она. В кофте будет жарко.

Мать. Милая, у тебя скоро экзамены... Без кофты не пойдешь.

Она. Хорошо, я понесу кофту в руках.

Мать. Это твое дело. Привет Эрике. Кстати, почему Эрика никогда к нам не зайдет?

Она молча и по-прежнему сонно смотрит на мать. Мать, видимо, привыкла не получать ответов, поэтому безостановочно продолжает спрашивать.

Когда ты вернешься?

Она. Не знаю. Я сначала пойду в парикмахерскую.

Мать. В какую парикмахерскую?! Ты собиралась к Эрике.

Она. Сначала я пойду в парикмахерскую.

Мать. Милая, сегодня предпраздничная пятница и все...

Она (бесстрастно). «Сидят в парикмахерских...» Я

знаю. Я прошу тебя: дай мне деньги на парикмахерскую.

Мать (*будто осененная мыслью*). Как же я сразу не поняла! Ну, конечно! Ты пойдешь в парикмахерскую, чтобы проторчать там в очереди до вечера, да? А потом будет поздно идти к Эрике, да? И ты вернешься домой! Ты решила посмотреть, кто придет ко мне, да?

Она (*все так же без выражения*). «Ты решила испортить мой единственный вечер». Нет. Я не вернусь домой рано. Подходит?

Мать. Это ты сможешь! Чтобы я сошла с ума от страха... (*Вдруг кричит.*) Я не умею! Я не могу с тобой!

Она (*миролюбиво*). Что делать, ты молодая мать.

Мать. Да! Да! (*Сразу переключаясь, легкомысленно – весело.*) Знаешь, вчера мне один тип из третьего подъезда сказал, что когда мы с тобой идем по улице...

Она... То издали я выгляжу старше тебя.

Мать (*устало*). Какая ты все-таки жуткая... (*Подумав.*) Ну что ж, я не хотела тебе говорить, но ты вынудила... Короче, утром ко мне пришла Надя... ну, девочка из третьего подъезда...

Она (*торопливо*). Мне неинтересно!.. Кто рылся у меня в столе?

Мать (*усмехнувшись*). Так вот... Эта милая Надя... пришла, знаешь зачем?

Она. Мне нужны деньги на парикмахерскую!

Мать... Повидать твою кошку. Оказывается, ты ей рас-

сказала, что у нас живет потрясающая кошка Каштанка, которая тебя страшно любит и ходит за тобой по улице не иначе как на задних лапах! На задних лапах!!

Она (*успокоившись*). И что ты ответила?

Мать. Правду. Что отродясь у нас не было никакой Каштанки, хотя иногда ты приносишь с улицы бродячих кошек... Но они от нас немедленно убегают! И не потому, что я плохо с ними обращаюсь, — а потому, что ты их попросту забываешь кормить! Ты ведь ко всему еще и ленивая! (*Дает деньги.*) А кот «на задних лапах» — это из «Мастера и Маргариты»? Да? Ты брала без разрешения мою книгу?

Она (*сухо*). А все-таки: кто же рылся на моем столе? Мать. На твоём письменном столе... который стоит пока в моем доме, я писала сегодня письмо. Можно?

Она. Поэтому я закрыла все ящики стола на ключ... чтобы в твоём доме кто-то случайно...

Мать. Иди. (*Тихо-тихо.*) Иди. (*Орет.*) Уходи! Она (*усмехнулась*). Не позвонил? (*Кивнув на телефонную трубку.*) Сама позвонишь?

Мать дает ей пощечину.

(*Весело.*) Чао! Я пошла в парикмахерскую! (*Уходит.*)

Как только стукнула входная дверь, Мать тотчас поднимает брошенную трубку, набирает номер.

Мать. Привет, ты не звонил мне, а то я разговаривала по телефону? *(Выслушивает ответ.)* Понятно... Ну, как насчет «сегодня»? *(Выслушивает ответ.)* Конечно, свободна. Мы же договорились. *(Выслушивает ответ.)* Нет, ты же знаешь, в девять – это поздно, она возвращается. *(Выслушивает ответ.)* Ну ладно, тогда давай в понедельник. Кстати, с понедельника в «Ударнике» – Неделя французских фильмов. *(Выслушивает ответ.)* Ну если они такие ужасные – конечно, не стоит, я могу посмотреть и свои ужасные. До понедельника. Чао. Спокойной ночи...

В это время **Подруга** в очередной раз набрала номер – звонок в комнате матери.

Алло...

Подруга. Ну, знаешь! С кем ты столько болтала? С ним?

Мать. Приезжай.

Подруга. А разве... Он...

Мать. Нет!.. Сегодня у нас с тобой девичник.

Подруга. Еду. Я тебе такое расскажу – новый план жизни. Чао!

Хохочет, и Мать отчего-то тоже хохочет и вешает трубку. Подруга, напевая, энергично собирается в своей комнате... А джазисты тихонечко играют... В ванную входит О и. Ко-

гда Он открывает дверь ванной, становятся слышны громкие голоса гостей и музыка магнитофона (та же мелодия, которую играют джазисты). Он захлопывает дверь, садится на угол ванны и молча сидит. Но вновь открывается дверь, и в ванную просовывается веселое, пьяное лицо гостя. Это – Доктор.

Доктор. Ку-ку... Твоя просила меня тебя посмотреть. (*Хохочет.*) Твоя говорит, что ты плохо спишь. (*Заливается.*)

Он. Действительно, хорошая фраза – смешная.

Доктор (*приоткрывая дверь ванной*). Ты посмотри, как сидят наши жены. Представь, что ты их не знаешь, просто мы с тобою закадрили каких-то чувих и привели. Представил? Ну, какую ты выберешь? Ха-ха-ха! Я – свою.

Он (*чуть подмигнул*). И мою. Бери уж обеих.

Доктор (*задыхаясь от припадка смеха*). И твою, и свою... (*Поймал его взгляд, поспешно.*) Твоя говорит, что ты просыпаешься каждый день в пять утра. Я ее спрашиваю, откуда ты знаешь, когда он просыпается, если сама наверняка храпишь в пять утра, как сурок. (*Хохочет.*) Но она требует, чтобы я тебя показал профессору. Я ей отвечаю: «Если ему надо показать профессора – я приведу... а если его – то уж лучше доктору. По крайней мере мы, доктора, хоть что-то понимаем». (*Хохочет.*) Распусти ремень. (*Доктор сам распускает ему ремень.*) Так – больно? Так?.. Дыши! Дыши, друг мой... глубже... мне даже не надо тебя осматривать, я

могу сказать с ходу...

Он сбросил руку Доктора.

Ну, попижонь! Попижонь! Учти, я пьян, и поэтому говорю сейчас умные вещи: твое сердце оказалось банкротом. Оно не выдержало взятых тобой на себя обязательств. (*Хохочет.*) Как говорил мой отец: «Мы живем в эпоху, жестокую к сердцам». Тебе нужна чепуха: две недели в больнице. У вас отличная академическая больница.

Он (*тихо-тихо*). Какой же ты мерзавец.

Доктор (*трезво и тоже тихо*). Не понял.

Он (*спокойно*). Хотя... (*Засмеялся.*) «Мою» я понимаю – ты современный мерзавец, везунчик, веселый и кобель. Но ты, не пропускающий ни одной медсестры, – зачем тебе эта увядшая, несчастная женщина?

Доктор. Что ты городишь?

Он. Я объясню: она чуткая! Это главное – а ты органически не можешь не сцапать, не схватить, не стибрить чужого... Мир – помойка, да?.. Где все жрут, хватают за сиськи...

И вдруг, размахнувшись, Он нелепо бьет Доктора, но Доктор спокойно перехватывает его руку и, вывернув, пригибает его голову к полу.

Доктор (*шепчет*). Дурак, ты по правде болен, слышишь?

Доктор выпустил его руку. Он встает и молча выходит из ванной.

Общее затемнение.

Прошло несколько часов. Та же квартира... Все так же играют в кухне джазисты... В комнате подруги уже никого... Мать, уже успокоившись, молча сидит с ногами на тахте в своей комнате... Ванная в его квартире пуста... А Он... .. А Он открывает дверь и входит в ту жуткую пустую комнату. Видимо, прежний хозяин расширил ее за счет прихожей, и теперь дверь с улицы открывается прямо в комнату. Он подходит к телефону, усмехается, поднимает трубку, молча слушает гудок, потом достает из портфеля рубашку и мятый плащ и развешивает все это на гвоздиках. Потом сдергивает автомобильный брезент и начинает расставлять мебель, когда раздается звонок в дверь. Он в ужасе глядит на дверь, но звонок звонит безостановочно; Он открывает. На пороге, с кофтой под мышкой, Она. Она не входит в Его квартиру. Но останавливается на пороге. И весь их дальнейший разговор происходит на пороге.

Она. Здесь сдается квартира?

Он. Квартира сдана.

Она. Давно?

Он. Вчера.

Она. Вам?

Он. Мне.

Она. Интересно, дорого стоит такая квартира?

Он. Пятьдесят рублей.

Она. Это обычная цена?..

Он. Нормальная.

Она. Скажите, у вас не найдется попить, только мне нужно холодную, из-под крана.

Он молча уходит в кухню. Вслед ему требовательный крик.

Только мне нужно полный стакан, ладно?

Он возвращается со стаканом воды.

Лупит!

Кивнула на окно.

Он. Ливень.

Она. Никакого лета в этом году... Черт! *(Глядит на часы, показывая, что торопится, но не уходит из-за дождя.)*

Он. Опоздываете?

Она. Боюсь «потечь» на дожде – косметики в этот раз

много.

Он. Зайдите все-таки!

Она. Ничего, ничего, не стоит вас затруднять. И вообще страшно входить в такую дорогую комнату... Но если у вас есть время, мы поболтаем здесь... пока дождь... Квартира у вас, конечно, очень хорошая. Только ваш район мне, например, не нравится. Я люблю свой... У нас, знаете, окраина: лес, пруд! Идешь домой, в школу, а впереди тебя шагает человек... такой важный, с портфелем. И вдруг у пруда... пруд у нас между домами... вынимает из портфеля газетку, раздевается прямо на снегу, портфелем прикрывает одежду, чтобы выюга не замела – и в лунку! Потом вылезает, оделся и дальше!.. *(Требовательно.)* Я еще хочу пить.

Он уходит в невидимую кухню, приносит воды. Она жадно пьет.

(Засмеялась.) Вы удивляетесь, что я столько пью? Я всегда умираю от жажды. *(Глядит на часы.)*

Он. Важная встреча?..

Она. Потешная. Знаете, на столбе, где висело объявление о вашей квартире... рядышком приклеили оригинальную записку: «Требуется вокалистка в инструментальный ансамбль» – и телефон. Человек, естественно, позвонил, договорился о прослушивании. Сказали, что в таком-то часу его будет ждать руководитель ансамбля; он будет в розовых

джинсах. (*Засмеялась.*) Здорово?

Он. Здорово!.. А «человек» не боится?..

Она. А человек загадал: зададите ли вы этот вопрос... Человек не боится. Никого и ничего. Он может идти посреди улицы, и машины его объезжают. Никто и ничто не смеет ему причинить боль.

Он. Это почему же?

Она. А так... А вообще это очень солидная группа. Люди всегда приглашают их на вечера... Я их, правда, сама не слыхала... я не любила школьные вечера... но люди...

Он. Люди – это мальчики и девочки?

Она. Слушайте! Моя мама обожает, чтобы все было названо. Даже то, что она уже поняла! И притом желательно дважды.

Он. Это у нас с вашей мамой возрастное.

Она. Не надо, мне и так вас жалко.

Он (*помолчал, примирительно*). Любите петь?

Она. По-моему, сразу видно, что я ненавижу петь. Я люблю мычать что-нибудь про себя, без слов. А петь какие-то слова – это ужасная пошлость. Но у меня отличный голос, и я хочу зарабатывать. Я решила снять такую же квартиру. Это большое счастье, когда в твою дверь никто не смеет постучать, если ты сама этого не хочешь. А потом я отправлюсь на юг с подругами.

Он. У вас есть подруги?

Она. По-моему, совершенно очевидно, когда у человека

есть подруги. У меня есть две подруги. Наденька – она потолще, и Эрика – она худа и прекрасна. Мы в прошлом году объездили буквально весь юг. Втроем мы снимали две койки. Мы с Эрикой спали валетиком... Путешествие нам ничего не стоило. Мало ели – много курили... Во всяком случае, у них мы денег не брали.

Он. А с ними вы не ладите?

Она. Просто когда человек входит в свой дом – он отчего-то сразу их обижает. Дело, наверное, в электронах. У них электроны движутся параллельно, а у человека – перпендикулярно. Можно спросить: у вас что-то стряслось?

Он. Как вам объяснить... Счастье. У человека появилась возможность... нет, нет, точнее, «право» – жить так, как хочет он сам... И вот он взял отпуск... И вот у него уже своя квартира...

Она. Без них.

Он. Да! Да! Можно читать книжки... Или вообразить, что ты на юге... Человеку не разрешили на юг... а он может лежать и слышать шаги по гравию... и будто солнце.

Она. Чушь! Если бы у меня была возможность, я все равно бы поехала на юг. На юге... на юге... *(Вдруг требовательно.)* Я хочу пить! Только я сама. У вас не получается холодная. *(Проходит через комнату в невидимую кухню.)*

Шум льющейся воды.

Он. Кстати, меня зовут Федор Федорович, а вас?

Ее голос *(из кухни).* А зачем вам? Кому сколько лет, кто где работает и как кого зовут – меня не интересует... Я вымыла, кстати, вашу чашку и поставила ее на место... Мое имя, как у тысяч... Мое имя – обычная кличка, не больше. Поэтому я себя называю «Я». Это хотя бы правда. *(Она возвращается из кухни. По ее лицу смешно размазана тушь.)* Я подставила лицо под кран. *(Хохочет.)* Теперь мне не страшен никакой дождь. *(Продолжая размазывать рукой краску.)* Теперь, слава Богу, я могу наконец уйти от вас. Чао! *(И она уходит, оглушительно хлопнув дверью.)*

Он остается один, садится на кровать, потом идет в кухню и возвращается с ее кофтой в руках. Усмехаясь, вешает ее кофту на стул.

Он *(бормочет).* На кого же она похожа?.. *(Засмеялся.)* Просто перед глазами уже прошла такая толпа... что всякий на кого-то похож... *(Замолчал.)*

Звонок в дверь в квартире матери. Мать идет открывать, возвращается с Подругой.

Подруга. Ну, что у тебя?

Мать. Все время звонит, звонит! Надоел!

Подруга. Наверное, он хочет на тебе жениться! Точно?

Мать (*избалованно*). А ну его! Только избавилась от одного сонного трутня и все начинать сначала? Обстирывать, готовить, пока он будет читать газету «Советский спорт»... Уже все было! Уже все знаю! (*Уходит на кухню.*)

Он (*лежа на кровати, бормочет*). Да, как быстро... Как быстро!.. Однажды волновался по поводу какого-то дела... ругался. И ответили: «Ваше дело состоится, но через два года»... «Как?! Только через два года?!» В трубке засмеялись и поправили: «Уже через два года. Поверьте, это быстро. Через два года – это во вторник!» И вот уже понимаю эту фразу... Мясорубка из дней. Мелькание. В среду – сорок... в пятницу – пятьдесят. И уже в субботу... Ну, самое большее... ну, до субботы! И отплывать! Отплывать! И вот с этим ощущением... (*Он замолкает и лежит молча.*)

Мать (*возвращаясь*). И главное... зачем? Девочку я, слава Богу, вырастила. А насчет того, что в шкафу обязательно должны висеть брюки, – в конце концов, я могу туда повесить свои!

Подруга. Счастливая: все тебя преследуют, красивая, дочка есть... А я сегодня утром проснулась вдруг в пять утра... – и так отчетливо представила свою жизнь...

Мать. Сегодня сделаем маску из свежих огурцов. (*Уходит на кухню.*)

Он (*вдруг приподнявшись на постели*). А в общем-то ничего не произошло: два равнодушных друг к другу тела, отчего-то засыпавших в одной постели, потому что это была не

постель, – это был корабль, на котором они собирались отплыть вдвоем в старость... Эти двое, которых знакомые называют детскими именами... а дети этих знакомых в ужасе пелят глаза, когда на Федю и Валю откликаются два полуразрушенных типа... Два угасших тела... которых связывало друг с другом... что? Возраст... Это называется взаимопониманием... Безысходность... именуется уважением... Трусость, именуемая ощущением близких болезней и пониманием слабостей друг друга... «Брак: обмен дурных настроений днем и таких же запахов ночью». Бесстыдная и гадкая французская пословица. Так что же взбесило? По какому праву другое тело вдруг оказалось живым!..

Подруга и Мать возвращаются с тарелкой, наполненной нарезанными огурцами. Они накладывают огурцы на физиономии, ставят на пол бутылку вина и два бокала и ложатся на тахту, продолжая разговор.

Подруга... И всю неделю сплошные предательства! У меня есть два чешских чемодана. Месяц назад одолжила один нашему зав. травматологией. Теперь мне надо ехать в командировку. Звоню ему: принеси! Думаешь, почесался? А почему? Потому что считает, что он мне нравится! (*Пьет.*) Возвращаюсь из командировки – сосед по лестничной клетке, молодой специалист, дальний родственник, я ему деньги одалживаю, ну жалко мне его... лезу в шкаф – нету Цветае-

вой. Оказывается, он открыл без меня комнату и снес ее в букинистический!

И главное, уверен, что я ему ничего не сделаю! И не только потому, что я добрая! Нет! А потому, что он тоже считает... что он мне нравится! Ну что за дела?.. Лучше бы шубу мою туда снес!

Мать. Хорошо!

Подруга. Что?

Мать. Что он хоть шубу твою туда не снес.

Подруга. Короче, у меня уже просто комплекс. Я больше не могу так! Давай выдадим меня замуж. Я никогда не была замужем. В последнее время я все яснее чувствую: я буду хорошей женой! Я веселая! Меня в больнице зовут «колокольчик». Говорят: чем больше бьют – тем больше звенишь! Ха-ха-ха! Все! Начинаю новую жизнь. *(Пьет.)*

Мать. «Колокольчик», да? *(Хохочет.)* За тебя! *(Пьет.)*

Подруга. Главное, действовать. Я прочла свой гороскоп. Я – телец. Тельцы в этом году должны обязательно действовать! Если хотят чего-то достичь! Я хочу! Хоть чего-то... Ты читала сегодня «Литгазету»?.. Там статья об одиноких... Читала?

Мать. Кажется.

Подруга. То есть как это может казаться?! Значит – читала! Какое там письмо капитана! Капитан гидрографического судна – одинокий, застенчивый – ищет подругу жизни!

Мать. «Жил отважный капитан»...

Подруга. «Но никто ему по-дружески не спел»! Понимаешь, на суше он все время ремонтируется в доках... и он не мог познакомиться с... с суженой. (*Хохочет.*)

Мать. В доках... (*Хохочет.*) С суженой. (*Закатывает-ся.*) «Капитан, капитан, подтянитесь»! (*Хохочет.*)

Подруга. Слушай, а ты тоже веселая!

Мать. Я тоже немного – колокольчик.

Подруга. Звоню я в редакцию; дайте адрес капитана. Говорят: мы не брачная газета, у нас тысяча звонков по этому поводу. Но я решила: пишу письмо капитану – нахально отправляю в газету для пересылки. И пусть только попробуют не переслать. Я телец, у меня год действия – жалобами завалю.

Мать. А статья жуткая. Я представила себе все это. Вечера одиноких «после тридцати»... Это же конец света: зафиксированный он... и зафиксированная она – стоят, как на случке, умирая от стыда.

Подруга. Это ты будешь умирать от стыда. А нормальные люди...

Мать. Ну если так хочется выйти замуж, поезжай на курорт, я не знаю! Ну, пойди в ресторан!

Подруга. Это опять ты – пойдешь в ресторан. Вернее, не дойдешь до ресторана... Выйдешь замуж по дороге! А человек с обычной внешностью... с нормальной... то есть с моей... Ты не представляешь, какая запись на эти вечера одиноких. Кстати, я позвонила туда утром. Отвечают: женские

билеты у них распроданы до следующего года.

Мать (*вдруг*). Слушай, едем к нему, а?

Подруга. К кому?

Мать. Ну, к моему! Явимся сейчас. (Вскочила, и огурцы посыпались с лица.)

Подруга. Ты что?! Неудобно – поздно!

Мать. А вот и хорошо. (*Яростно.*) Одевайся!

Подруга. Слушай, двенадцатый час. Он... свободный человек... мало ли...

Мать. А мы – воспитанные, звоним – и вопрос из-за двери: баба есть? Гони! Исчерпывающе! Что, не прогонит? Ради меня? Ну скажи, Вера?

Подруга. Прогонит.

Мать. Он такой жадный, у него коллекция фарфора. Войдем и нечаянно локтем весь этот фарфор... Эффектно?

Подруга. Так эффектно!

Мать. Он в ужасе! А мы хохочем, звеним – два колокольчика: розовые ротики, язычки бьются...

Подруга. А давай считать, что мы уже!

Мать. Бабу выгнали. Да?!

Подруга. И вазу разбили.

Мать. Севрскую. Он... ничтожный! Он ничтожный! (*Опять вскочила, теряя огурцы с лица.*) К черту! Лучше письмо сочиним твоему капитану!

Подруга. Грандиозно!

Мать и Подруга, хохоча, проходят в ее комнату. Мать усаживается за письменный стол.

Мать (*диктует себе и пишет*). «Дорогой и отважный капитан! А не пошли бы вы...»

Подруга. Нет, это слишком лаконично.

Мать. Да, письмо должно быть сентиментальным. Они любят, Верунчик, сентиментальное. Значит (*издевательски*): «Дорогой капитан! Иногда выходишь на улицу и бродишь, сливаясь с толпой. Все спешат по своим делам, а тебе некуда спешить... и ты возвращаешься домой... одна...» И вот тут-то: «Дорогой капитан, а не пошли бы вы...»

Подруга. Ну перестань! Так хорошо начала, просто – дрожу вся! Продолжай!

Мать (*с легкостью диктует*). «Теперь обо мне: мне за тридцать». Исчерпывающе? «Рост средний, вес...»

Подруга. Не будем.

Мать. Давай напишем – хорошенькая. Капитаны, даже отважные, они это любят.

Подруга. Но он же увидит.

Мать. А когда увидит – поздно будет. Ты его задавишь энергией. Ты в пять утра просыпаешься. (*Продолжает.*) «Я – любитель книг, природы, стихов и в основном домоседка. Характер у меня немного вспыльчив, но отходчив. И главное, за годы одиночества я поняла: бывают женщины, которые сами не знают, чего хотят, и все время ссорятся с му-

жьями. Ну что плохого, если мужчина любит читать за столом «Советский спорт», а я в это время картошку, допустим, приготовлю. Вы пишете, что вы не исключительный человек...»

Подруга. Он не пишет.

Мать. Отстань! «А мне и не надо! Мне чего попроще. Я устала от исключительных». (*Торжествующе.*) И вот тут-то с трюеточия: «... Дорогой капитан, а не отравились бы вы...»

Подруга. Как здорово!.. (*Медленно.*) С ходу сочинила такое! Может, ты у нас писатель?

Мать (*засмеялась*). Я тренировалась, Верочка, к твоему приходу.

Они возвращаются в комнату матери, собирают огурцы, вновь раскладывают на лицах и лежат на тахте и молчат. В это время звонок в его квартире. Он открывает дверь. На пороге Она. Он протягивает ей кофту.

Она. Все всегда забываю. (*Молча проходит на кухню, шум воды.*)

Подруга (*вдруг*). Но вообще-то... я... наверное, достану билеты... на этот вечер «после тридцати»... Я развила с утра деятельность... Естественно, у меня оказалась пациентка... Конечно, мне рядом с твоею красотой...

Мать (*тихо*). Да ты что...

Подруга хочет прервать ее.

Тт-тс... помолчи немножко... а то мы, кажется, перезвонили. (*Идет в ее комнату, включает магнитофон.*) Расслабь лицевые мускулы... Ах, как хорошо... Который час, кстати?

Подруга. Еще рано. Одиннадцать.

Она (*возвращаясь с кухни*). Который час?

Он. Одиннадцать.

Она стоит и что-то высчитывает молча, шевеля губами.

Как ваш в розовых джинсах?

Она. Я все понимаю по дороге. У меня даже есть теория на этот счет: когда движешься – становишься машиной и, наверное, тогда-то и включается подсознание. Недаром – машинально от слова «машина»... Пока я шла домой, я установила, что оставила у вас кофту и что... как ни странно, нигде больше не было объявления о «певице». Оно висело только у моего дома. Поэтому, когда я увидела этого, в розовых джинсах, я совсем не удивилась: он оказался тем самым типом... который уже месяц торчит против моего окна, когда наступают сумерки.

Он (*усмехнулся*). Значит: все-таки...

Она. Пришлось побыстрее уносить ноги. А то у меня беда: если я нравлюсь человеку, а он мне понятен, я его начинаю доводить. А это не все терпят. (*И вдруг быстро напра-*

вилась к окну.)

Он. Что?

Она. Так... удостовериться... кое в чем... Сколько сейчас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.